

RU

Образы русских в произведениях Базара Барадина

Исаков А. В., Дампилова Л. С.

Аннотация. Цель исследования – определить специфику изображения русских персонажей в произведениях Б. Барадина. Научная новизна заключается в том, что впервые выявлен весь спектр русских персонажей в творчестве Б. Барадина, предложена их типология, установлена связь данных образов с историко-культурным контекстом. В результате определено, что в произведениях Б. Барадина выявляется целый спектр русских персонажей, которые можно разделить на типы, каждый из которых связан с культурным и политическим контекстом эпохи. Первый тип русских образов – негативный образ русского колонизатора, связанный с дискурсом бурятского национального движения, в котором обличалась колониальная политика дореволюционной России в отношении бурятского народа. Второй, противоположный тип – это позитивный образ русского, который вступает в конструктивное взаимодействие с бурятами, предлагает им помощь, новые знания и умения. Отдельную категорию составляют образы российских правителей – образ Петра I в пьесе «Великая сестрица-шаманка», который, с одной стороны, продолжает фольклорную традицию возвеличивания «Белого царя», а с другой – намекает на перспективы позитивного сотрудничества бурятских политиков и новой российской власти, и образ Ленина в стихотворении «Великое время», который происходит из нового советского исторического нарратива.

EN

Images of Russians in Bazar Baradin's works

Isakov A. V., Dampilova L. S.

Abstract. The aim of the study is to determine the specifics of the depiction of Russian characters in B. Baradin's works. The study is novel in that it is the first to identify the entire spectrum of Russian characters in B. Baradin's works, to propose their typology and establish the connection of these images with the historical and cultural context. As a result, it was determined that in B. Baradin's works, there is a whole range of Russian characters, which can be divided into types, each of which is associated with the cultural and political context of the era. The first type of Russian images is a negative image of a Russian colonizer associated with the discourse of the Buryat national movement, which denounced the colonial policy of pre-revolutionary Russia in relation to the Buryat people. The second, opposite type is a positive image of a Russian who enters into constructive interaction with Buryats, offers them help, new knowledge and skills. A separate category consists of the images of Russian rulers – the image of Peter I in the play "The Great Shaman Sister", which, on the one hand, continues the folklore tradition of glorifying the "White Tsar" and, on the other hand, hints at the prospects for positive cooperation between Buryat politicians and the new Russian government, and the image of Lenin in the poem "The Great Time", which comes from the new Soviet historical narrative.

Введение

Базар Барадин (1878-1937) – ярчайший представитель бурятской литературы начала XX века, творчество которого постигла сложная судьба. В годы репрессий его произведения оказались под запретом, и даже после посмертной реабилитации автора в 1958 г. основная часть творческого наследия Б. Барадина оставалась неизвестной широкой публике. Лишь в 1990-е годы произведения писателя были возвращены из забвения.

Теперь бурятское литературоведение находится на пути объективного и всестороннего изучения творчества «возвращённого» классика. Интерпретация произведений Б. Барадина осложнена предвзятыми оценками, которые было принято давать этому автору в советский период. Необходимо сказать, что кроме литературного творчества Б. Барадин занимался наукой, политикой, вопросами национально-культурного строительства, и все эти направления его деятельности были связаны друг с другом. Несомненно, интерпретация

произведений Б. Барадина должна учитывать те идеи, которые он отстаивал как учёный, политик, представитель бурятской интеллигенции. Но в литературоведении советского периода политический аспект его творчества часто трактовался однобоко. За идеологизированной дихотомией «советский/антисоветский», в координатах которой прежде шла дискуссия о литературном наследии Б. Барадина, размывается сложность исторической ситуации, в которой творил писатель, многогранность его идей, а также их эволюция на протяжении его творческой биографии.

Один из таких вопросов, прежде рассматривавшихся в идеологизированном ключе, – изображение русских в произведениях Б. Барадина. А. Б. Соктоев (1976, с. 354–418), давший наиболее подробный в советском бурятском литературоведении анализ творчества Б. Барадина, последовательно характеризует этого писателя как «буржуазного националиста» (что означало его чуждость советской литературе) и в качестве одного из аргументов неоднократно приводит негативные образы русских в пьесах Б. Барадина. Тем самым литературовед, находясь в рамках стандартов и требований своего времени, стремился доказать, что Б. Барадин как «панмонголист» в своём творчестве осознанно выражает враждебное отношение к русскому народу и Российскому государству. Как справедливо отмечается сегодня, подобный анализ строился «на отдельных взглядах и высказываниях как самого Б. Барадина, так и героев его произведений, зачастую вырванных из контекста и толковавшихся только в определённом смысле» (Амгаланова, 2017, с. 176). В действительности же, как мы полагаем, изображение русских в творчестве Б. Барадина не исчерпывается одним стереотипом. Образы русских в произведениях данного писателя должны быть рассмотрены с точки зрения их типологии и в связи с историко-культурным контекстом, что мы и хотели бы сделать в настоящей работе. Актуальность данного исследования обусловлена очевидной необходимостью объективного изучения истории межнациональных отношений в многонациональном российском обществе, в том числе на материале художественного творчества народов России.

Задачи исследования состоят в том, чтобы выделить типы русских персонажей в произведениях Б. Барадина и установить происхождение данных типов из историко-культурного контекста, в котором создавалось то или иное произведение.

В исследовании используются методы имагологического и дискурс-анализа.

Материалом исследования выступают произведения Б. Барадина, в которых фигурируют образы русских. В качестве источника текстов использовано следующее издание: Барадин Б. Шэлэгдэмэл зохёолнууд. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1999. Подстрочный перевод цитат с бурятского языка везде наш.

Теоретико-методологической основой исследования является имагология – учение об изображении инонационального, разработанное в трудах зарубежных (Imagology..., 2007) и отечественных (Поляков, Полякова, 2013) учёных. Так же мы основываемся на принципах «нового историзма» (The New Historicism, 1989) – подхода к изучению литературных текстов, который предполагает включение произведения в широкий историко-культурный контекст и в первую очередь текстуальное поле той эпохи, в которую оно создано.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в преподавании бурятской литературы, литературы народов России, спецкурсов по имагологии и русско-бурятским литературным связям.

Обсуждение и результаты

Пьеса «Шойжид-хатан» (1918)

«Шойжид-хатан» – первая историческая драма в бурятской литературе. Б. Барадин создал её в годы Гражданской войны, когда он в составе группы бурятских политических и культурных деятелей боролся за создание национальной государственности. Пьеса определённо имела агитационный характер и писалась с расчётом на скорую постановку, которая состоялась в Агинском народном театре.

В основе сюжета пьесы – реальный исторический факт, отражённый в фольклорных преданиях и письменных хрониках. В начале XIX века часть бурятских земель по решению российских властей была передана новым русским переселенцам. Изначально буряты должны были освободить Тугнуйскую долину, но это была родина Шойжид – жены хори-бурятского тайши (главы степной думы) Дамбадугара Ринчинова. Стараниями Шойжид Тугнуйская долина осталась за бурятами, а переселенцам отвели земли по реке Ингода. В пьесе Б. Барадина две части. Первая – «Жизнь лам и нойонов» («Лама, ноёдой ябадал») – посвящена истории Шойжид, а вторая – «Жизнь народа» («Арад зоной ябадал») – судьбе жителей отданных земель, которым пришлось покинуть родные края, уступив их переселенцам.

Обобщённый образ русских в драме впервые возникает в разговоре бурятских нойонов (начальников) и лам, которые обсуждают, как им быть с указанием российских властей об отведении бурятских земель переселенцам. В репликах персонажей подчёркивается чужеродность русских, неконтролируемый и агрессивный характер их экспансии: «Хожомой үедэ манай эхэ нутаг уруу ород мангадай ерүүл боложо, газар уһымнай булимтаржа, захаһаань залгижа, үзүүрһээнһүмхэдэн болоһон» (Барадин, 1999, с. 104). / «В последнее время на нашей родной земле появились русские пришельцы, они захватывают наши земли, присваивают себе всё подряд, откусывают самое лучшее».

Далее в действие включается единственный русский персонаж пьесы – чиновник-инженер Лаба, приехавший, чтобы исполнить поручение о передаче земель. Этот герой своими словами и действиями подтверждает приведённые выше характеристики. Русский инженер ярко противопоставлен бурятским персонажам –

даже его реплики в тексте пьесы написаны по-русски, что выделяет их среди речи других участников действия. Главный мотив его поступков – желание получить личную выгоду. В целом судьба бурятского народа ему безразлична, его отношения с разными бурятскими персонажами складываются исключительно в зависимости от того, могут ли они быть ему чем-нибудь полезны. Поэтому он соглашается с предложением Шойжид забрать у бурят вместо Тугнуйской Ингодинскую долину – ведь она больше по площади, и чиновник сможет рассчитывать на награду за «перевыполнение» порученной ему задачи: «...за эту заслугу государь безусловно пожалует мне чин тайного советника» (Барадин, 1999, с. 110). Общаясь с бурятскими нойонами, он доброжелательно обещает им награды за содействие государственному делу.

Цинизм Лабы проявляется в его общении с жителями Ингодинской долины. Он понимает, что они будут пытаться подкупить его и оставить за собой родные земли, но помогать бурятам он не намерен: «Они глупы, как дети. С такого народа и взятку брать не грешно. Почём они зря дадут мне взятки – всё равно земли им не вернуть» (Барадин, 1999, с. 144). В финальной части пьесы Лаба и вовсе проявляет себя жестоким человеком, для которого буряты – не люди, а «дикари», как он их неоднократно называет. Когда доведённый до отчаяния бурятский парень Олзобой, поняв, что русский чиновник равнодушен к уговорам и подаркам, ударяет его кулаком, Лаба требует проведения суда над Олзобоем и его возлюбленной Сэсэг. Причём он желает наказания, несоизмеримого с их поступком: Олзобоя он призывает заковать в кандалы и отправить в Иркутск («Не вам судить его здесь!» (Барадин, 1999, с. 154)), а Сэсэг – отдать ему в кухарки («я её сам накажу» (Барадин, 1999, с. 154)). Всем своим поведением Лаба показывает, что бурятский народ для него – лишь объект управления и источник обогащения, он не признаёт в бурятах равных себе людей и не может мириться с тем, чтобы они в чём-то проявляли свою волю.

В целом этот образ можно определить как образ колонизатора, характерный для антиколониального дискурса, существовавшего и в бурятской культуре начала XX века. После революции в риторике бурятского национального движения возросла негативная оценка России и русских: так, Э.-Д. Ринчино в своей публицистике того времени подчёркивал, что жизненный уклад бурят и русских различен и российская власть, лишившая в итоге бурят самоуправления, обрекла их тем самым на вырождение (Варнаровский, 2003, с. 91-92). В свете этого становится ясным происхождение негативного образа русских как колонизаторов в пьесе Б. Барадина «Шойжид». Мы видим, что на фоне борьбы за восстановление национального самоуправления высказывания о неравноправных отношениях бурят с российской властью и ущербе, нанесённом бурятам со стороны русских, были характерны как для публицистики, так и для художественного творчества деятелей национального движения.

Пьеса «Жэгдэн» (1919)

Сатирическая пьеса «Жэгдэн» высмеивает нравы дореволюционных бурятских чиновников на примере курьёзных случаев из жизни заседателя Агинской степной думы Жэгдэна Зориктуева. Как и в пьесе «Шойжид-хатан», русские персонажи здесь представлены чиновниками – губернатором и исправником, с которыми приходится взаимодействовать Жэгдэну.

Образы русских в данной пьесе занимают не столь большое место, и в них уже нет такой ярко выраженной негативной окраски, как в «Шойжид-хатан». Тем не менее и в образах губернатора и исправника в «Жэгдэне» проявляются черты, которыми Б. Барадин прежде наделил Лабу. Это, например, уничижительное отношение к «инородцу», которое проявляется в грубой речи исправника: «Ши ямар тварина байнаш? Хүүргэ мост юундэ муугаар хүүлээбши?» (Барадин, 1999, с. 172). / «Что ты за тварина? Почему мост построил плохо?». Поэтому образы русских в пьесе «Жэгдэн» можно отнести к тому же типу, что и образ Лабы в пьесе «Шойжид-хатан».

Рассказ «Отец Сэнгэ» («Сэнгэ баабай», 1919)

Рассказ «Отец Сэнгэ» также посвящён важной для Б. Барадина теме критики дореволюционной бурятской элиты. Он повествует о последних днях жизни богача Сэнгэ, который умирает из-за чрезмерного пристрастия к алкоголю. Больной обращается за помощью к ламе, но тот не может его вылечить. Тогда родственники Сэнгэ привозят русского доктора. Доктор определяет, что у Сэнгэ за болезнь, даёт ему лекарство и призывает отправиться на лечение в город, но Сэнгэ упорно отказывается и в конце рассказа умирает.

Образ русского доктора в рассказе «Отец Сэнгэ» представляет собой совсем иной тип русского персонажа, чем рассмотренные выше герои. В отличие от русских чиновников, изображённых в пьесах Б. Барадина, доктор выступает положительным героем, он стремится помочь бурятам. Бурятские персонажи отмечают пользу, которую он может им принести: «Ород эмшэн зарим үбшэндэ ехэ туһатай юм» (Барадин, 1999, с. 208). / «Русский доктор может очень помочь при некоторых болезнях». В эпизоде, где доктор приезжает осматривать Сэнгэ, автор приводит внутреннюю речь этого персонажа, которая также создаёт ему положительный облик. Русский доктор сочувствует бурятам, отмечает, что они зачастую страдают от болезней и не могут найти помощи: «Энэ буряад зон болбол элдэб олон үбшэнтэй, олон мэхэшэн ламанартай өөһэдынгөө дотор эмнэлэй оронгүй, өөһэдын докторгүй байхадаа, үдэхээ болижо, үсөөржэ ябаһан зон, удангүй үгы боложо дууһахаа байна даа» (Барадин, 1999, с. 215). / «Эти буряты много болеют и среди них много лам-обманщиков, они не прибегают к лечению, у них нет своих докторов, и поэтому они стали вырождающимся народом, скоро их совсем не останется». В отличие от персонажей-чиновников, этот персонаж мотивирован не материальным интересом, а человеческим сопереживанием бурятскому народу. Единственный персонаж рассказа, отрицательно относящийся к доктору, – это богач Сэнгэ, но он сам является объектом осуждения со стороны автора, из чего следует, что Б. Барадин видел в русском докторе положительного героя. Возможно также, что отношение к «чужому человеку» со стороны богача Сэнгэ выражает взгляд простого обывателя, не воспринимающего объективную картину межнациональных отношений, а мнение автора является демонстрацией идей Б. Барадина как ученого и политика.

На наш взгляд, положительный образ русского, несущего бурятам новые полезные знания, столь же укоренён в дискурсе национального движения начала XX века, как и отрицательный образ, рассмотренный нами выше. Дело в том, что формирование бурятской интеллигенции было тесно связано с распространением среди бурят русского образования. Деятели бурятского национального движения получали образование в русских учебных заведениях Читы, Иркутска, Санкт-Петербурга. Тем самым они были интегрированы в поле русской культуры и в дальнейшем выступали проводниками этой культуры в бурятском обществе (Rupen, 1956, p. 392-394). В их личном опыте русская культура была связана с просвещением, расширением кругозора, выходом на новый уровень культурного развития. Поэтому хотя они и обличали российский колониализм и его отрицательные последствия для бурятского народа, вместе с тем считали необходимым приобщение бурят к опыту русской науки, образования, искусства и т. д. Полагаем, что именно отсюда происходит образ русского доктора в рассказе Б. Барадина, символизирующий достижения медицины, которые должны улучшить жизнь бурятского народа.

Пьеса «Великая сестрица-шаманка» («Ехэ удаган абжаа», 1921)

Как и пьеса «Шойжид-хатан», вторая историческая драма Б. Барадина «Великая сестрица-шаманка» посвящена знаковому событию бурятской истории, прочно вошедшему в народную память – походу хори-бурятской делегации к Петру I в 1702-1703 гг. Причиной похода стали притеснения со стороны местных представителей российской власти. Дойдя до «Белого царя», делегаты попросили его защитить право бурят на свободную жизнь на их родовых землях. Пётр I удовлетворил их просьбу, о чём выпустил специальный указ.

Среди других произведений Б. Барадина эта пьеса выделяется типологическим разнообразием образов русских. В начале пьесы показаны русские казаки, которые, требуя у бурят выплаты ясака, забирают в плен их детей. Эти образы, безусловно, продолжают ряд негативных русских персонажей, начатый образом Лабы в пьесе «Шойжид-хатан».

Есть в драме и совершенно противоположный русский персонаж – это переводчик, сопровождающий бурятскую делегацию. Из его прямой речи следует, что он движим желанием помочь бурятскому народу: «Долго я жил среди них... полюбил этот народ и приехал с ними, чтобы помочь им» (Барадин, 1999, с. 64). Здесь мы видим тип положительного русского персонажа, нацеленного на конструктивное межнациональное взаимодействие, как и русский доктор из рассказа «Отец Сэнгэ».

Особенный интерес представляет образ русского царя Петра I. В пьесе Б. Барадина он изображён как мудрый и справедливый правитель, который выносит единственно правильное решение в ответ на просьбу бурят. Пётр I с уважением относится к бурятским делегатам, оплачивает их проживание в Москве за счёт казны и – самое главное – обещает прекратить посягательства на их земли и свободу: «Скажу вам государево слово, что отныне не будет вам никакой обиды» (Барадин, 1999, с. 68). Изображение русского царя в качестве могущественного покровителя бурят можно рассматривать как продолжение фольклорной традиции: например, в бурятских народных песнях о Петре I он предстаёт могучим правителем величайшей державы и чуть ли не мессией в истории бурятского народа (Тулохонов, 1973, с. 98-103).

Но, зная общее негативное отношение Б. Барадина к дореволюционной российской власти, которое он демонстрирует в своих произведениях, трудно допустить, что писатель некритически воспринял народную традицию изображения «Белого царя». Обращение к историческому контексту создания пьесы позволяет нам предположить, что в образе Петра I присутствует отсылка к актуальным на тот момент событиям. Незадолго до создания пьесы, в 1920 г., двое лидеров бурятского национального движения Агван Доржиев и Элбек-Доржи Ринчино побывали у главы нового советского государства Владимира Ленина, где убедили его в необходимости предоставления автономии бурятскому народу (Елаев, 2023, с. 186-188). Возможно, Б. Барадин в своей пьесе намекает на параллель между событиями начала XVIII века, когда хори-буряты отстаивали право распоряжаться своими землями перед русским царём Петром I, и новейшими событиями – образованием бурятской национальной автономии по решению нового российского правителя Ленина. Образ мудрого русского царя в таком случае мог означать признание правоты российской власти, поддержавшей право бурят на политическую автономию.

Стихотворение «Великое время» («Ехэ саг», 1927)

Последнее известное произведение Б. Барадина – стихотворение «Великое время», созданное к 10-летию Октябрьской революции. В этом стихотворении он воспекает социалистическую революцию, которая принесла народам России – в том числе и бурятам – освобождение и положила начало новой эпохе.

Автор подчёркивает роль лидера русских большевиков Ленина в совершении революции:

Гүн ехэ ухаанта багшада багшалуулжа,
Шэн ехэ зоригто Ленинээр ударидуулжа,
Баяд ноёдоо бута сохижо,
Хаан ноёдоо хамта сохижо,
Огторгойдо тулама
Улаан туг бодхожо,
Октябриин ехэ хубисхалай
Улаан түймэр табиба (Барадин, 1999, с. 25).

Следуя за учением премудрого учителя,
Под предводительством отважного Ленина,
Разбив всех богачей,
Разбив всех правителей,
Достающее до неба
Красное знамя воздвигнув,
Великой Октябрьской революции
Разгорелся красный пожар.

Это произведение принадлежит уже новому дискурсу – советскому. В нём история бурятского народа рассматривается в контексте истории всех советских наций, а главным событием этой истории становится революция. Стихотворение «Великое время» – один из первых текстов бурятской литературы, отразивших этот

новый взгляд на национальную историю. В последующие десятилетия сюжет о рождении нового мира в «пожаре» революции станет одним из ключевых в бурятской поэзии и культуре в целом (Скрынникова, Батомункуев, Варнавский, 2004, с. 98-105). В новом дискурсе появляется и новый тип русских персонажей – большевиков, которым буряты обязаны подготовкой и совершением спасительной революции. Центральной фигурой среди них является Ленин, вокруг которого, как известно, начал формироваться государственный культ. Образ «премудрого учителя» (*гүн эхэ ухаанта багша*) Ленина, под предводительством которого бурятский народ, как и другие народы страны, идёт к новой жизни, в стихотворении Б. Барадина, очевидно, есть проявление новой тенденции изображения русских в советской бурятской литературе.

Заключение

Как нам удалось показать, в произведениях Б. Барадина выявляется целый спектр русских персонажей, которые можно разделить на типы, каждый из которых связан с культурным и политическим контекстом эпохи.

Первый тип русских образов – негативный образ русского колонизатора, представленный образами русских чиновников в пьесах «Шойжид-хатан» и «Жэгдэн», казаков в драме «Великая сестрица-шаманка». Появление этих образов связано с дискурсом бурятского национального движения, в котором обличалась колониальная политика дореволюционной России в отношении бурятского народа.

Второй, противоположный тип – это позитивный образ русского, который вступает с бурятами в конструктивное взаимодействие, предлагает им помощь, новые знания и умения. Этот тип, по всей видимости, связан с ролью русской культуры в становлении бурятской интеллигенции, их личным положительным опытом взаимодействия с русской интеллигенцией, стремлением познакомить бурят с достижениями русской культуры.

Отдельную категорию составляют образы российских правителей. Образ Петра I в пьесе «Великая сестрица-шаманка», с одной стороны, продолжает фольклорную традицию возвеличивания «Белого царя», а с другой – отражает актуальные политические события, установление бурятской автономии в ходе сотрудничества бурятских политиков и новой российской власти. Отсюда изображение русского царя как мудрого политика, который с вниманием относится к интересам бурятского народа. Образ Ленина в стихотворении «Великое время» происходит из нового исторического нарратива, который только начал формироваться в те годы. Согласно этому нарративу, русские большевики во главе с Лениным принесли народам России свободу и открыли им путь в светлое будущее – поэтому автор связывает лично с Лениным наступление новой эпохи бурятской национальной истории.

Полагаем, что затронутый нами в данной статье вопрос может получить развитие в дальнейших исследованиях образов русских в бурятской литературе различных периодов и творчестве отдельных авторов.

Источники | References

1. Амгаланова М. В. Историко-культурологический анализ феномена репрессированной культуры (на материалах литературы Бурятии 1920-х годов). Улан-Удэ: ИПК Восточно-Сибирского государственного института культуры, 2017.
2. Варнавский П. К. Конструирование бурятской этничности в первой трети XX века: дисс. ... к. ист. н. Улан-Удэ, 2003.
3. Елаев А. А. Республика Бурятия: 100 лет автономии и государственности. Изд-е 2-е, доп. и перераб. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2023.
4. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013.
5. Скрынникова Т. Д., Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2004.
6. Соктоев А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976.
7. Тулохонов М. И. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1973.
8. Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey / ed. by M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam – N. Y.: Rodopi B. V., 2007.
9. Rupen R. A. The Buriat Intelligentsia // The Far Eastern Quarterly. 1956. Vol. 15. No. 3.
10. The New Historicism / ed. by H. Aram Veenser. L.: Routledge, 1989.

Финансирование | Funding

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

The reported study was funded as a part of a state assignment (project No. 121031000259 “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region”).

Информация об авторах | Author information

RU

Исаков Александр Викторович¹

Дампилова Людмила Санжибоевна², д. филол. н., доц.

^{1,2} Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

EN

Isakov Aleksandr Viktorovich¹

Dampilova Lyudmila Sanzhiboyevna², Dr

^{1,2} Institute for Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of SB RAS, Ulan-Ude

¹ alexandr_isakov98@vk.com, ² dampilova_luda@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.07.2023; опубликовано online (published online): 31.08.2023.

Ключевые слова (keywords): бурятско-русские отношения; литература бурятского просветительства; бурятское национальное движение; образ Петра I; образ Ленина; Buryat-Russian relations; literature of the Buryat enlightenment; Buryat national movement; image of Peter I; image of Lenin.